

С. Весто
ОТРАЖЕННЫЕ
СУМЕРКИ

сага каменного угля

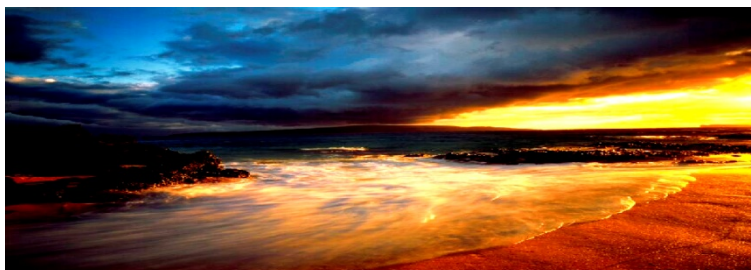
С. Весто
ОТРАЖЕННЫЕ СУМЕРКИ
сага каменного угля

 senvesto.com

Любое использование текста, оформления книги – полностью или частично – возможно исключительно с письменного разрешения Автора. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами. *For information address: Copyright Office, the US Library of Congress.*

© **S. Vesto**, 2009

© **S. Vesto**, graphics, 2009

СКАЗКА ДЛЯ ВСЁ ПОЗНАВШИХ

Эволюция нуждается в нашем самообладании и поддержке.

Легенды о Шагающем камне

Г Л А В А П Е Р В А Я

Совсем ранним влажным утром, когда ярко блестели на листьях капли росы, теплого света было еще совсем немного и на прозрачных очертаниях деревьев висела мокрая тишина, на поверхность воды выползли вялые языки испарений, и все началось сначала. Зеленые сумерки заслонили пережитую ночь. Темное маленькое озеро медленно блестело, плыло, как плывет небо, если его перевернуть, а потом смотреть – долго, очень долго, пока не надоест и ты не поймешь, что на самом деле это не оно плывет, а ты уплываешь. Вода под тобой тихо покачивается, на ней тихо покачиваются тени и отражения, голые, круглые, одинаково усеченные листья растений проходят мимо, они тихо дремлют, они тоже здесь совсем одни, и ты дремлешь тоже, позади за спиной ничего не разглядеть, там ничего нет, и там тоже тихо и хорошо – и впереди, и вокруг, и на много времени вперед. Незнакомая прибрежная растительность дальше сливается с водой, вода сливается с побегами испарений, с остатками теплого невесомого тумана и пятнами леса, и было опять не понять, ты движешься к ним или они движутся к тебе, а ты только смотришь, на самом деле тебя давно уже нет.

Тени длинные, чужие и холодные лежали на отражающей поверхности; тростник, дремля, стоял, как стоят скучные призраки сна, дожидаясь скончания всех времен, равнодушные ко всему и забытые навсегда. Это и был сон: все еще спало в этот слишком ранний, медленный, предутренний час. Где-то там, где очень далеко и ничего определенного не разобрать, еще должна была висеть граница между утром и сном, от горизонта до горизонта, но отсюда, за синим светом и пятнами отражений ее разглядеть было нельзя, нити тумана и контуры леса загородили собой весь обзор. Они уютно покоились на черных зеркалах и неподвижных отражениях, над ними висели зеленые тени, обрывки невнятных воспоминаний и остывших испарений. Тени на воде двигались, словно во

сне, и глядя на них, казалось, что что-то должно произойти, что-то такое же медленное и безмолвное, не обязательно плохое, чего я не знал раньше, но к чему давно был готов. И я видел там очертания какого-то незнакомого мальчишки – он тоже был здесь один, как и все остальное вокруг, но почему-то, откуда-то было такое ощущение, будто он был тут неспроста, словно без него ничего бы этого не было, и он такой же неотъемлемый компонент остального, как озеро, тени и небо. Он был здесь один, и все остальное было там для него. Я видел только его спину, одну лишь отчужденную полуголую фигурку в траве над водой, но почему-то я уже знал, что прежде его не видел. Я смотрел туда же, куда и он, мне почему-то тоже хотелось постоять там рядом, хотя бы в мыслях, маленькое лениво потягивавшееся озеро и проснувшееся утро тоже были мои, я хотел запомнить получше их, эту сиявшую синим небом поверхность и свои очертания в ней. Он ступал совсем осторожно, пробовал голый пяткой и пальцами выпиравшие остатки совсем старого ветхого мостика. Собственно, мостика давно уже не было, над водой сохранились лишь несколько проросших почерневших перекладин, подпираемых парой бревен и воздухом. Покрытые лишаем концы бревен торчали из листьев кувшинок, их тени лежали на отражениях далеких небес, темнея в глянце и прячась от света, - еще не начавшийся озябший день укрывал дремавшие очертания неприятностей; мальчишка тоже двигался, как во сне. Мои глаза смотрели туда, в направлении, выбранном кем-то другим много раньше, и уже не видели остатков старого мостика и отражающих длинных пятен на темной воде. Память мне подсказала, где я все-таки видел мальчишку раньше, и я опять оказался под тяжестью давней давящей сумерками печали. Это был я сам: пролегомены чужого еще не начавшегося на озере дня – лучшее время, когда можно трогать ладошкой воду и притом не потерять ничего...

Этот сон преследовал меня, как тень, начинаясь одним и тем же и заканчиваясь тем же самым. Ночь заслоняла день.

Понятие «день клонился к закату» в применении к местным ненормальным условиям широко, как можно было заметить, использовалось во вступительных и заключительных частях сеансов обзорной фоносвязи, но смысла в том содержалось не много, поскольку он тут, строго говоря, все время куда-то клонился, часами никуда окончательно не уходя. Неподвижно висевшее над горизонтом солнце в энциклопедических сводах проклятий любого старожилы означало бы прежде всего смену поясов покоя и новые осложнения. Только и всего. Но я сейчас хорошо мог понять неудовольствие вечно недовольного по какому-нибудь метагалактическому поводу соседа, моего нового партнера по дежурной шахматной партии на ночь с чашечкой горячего чая, к тому же, как оказалось, неожиданно интересного собеседника. Совсем недавно им наконец был оккупирован по случаю одинокий коттедж, что пустовал до того по соседству с моим, и теперь мы взяли обыкновение ездить без приглашения один к другому в гости.

С самого начала все складывалось на редкость неудачно. Подавляющее большинство этих всевозможных консультантов и экспертов заведомо никогда не бывали здесь, более того, если исходить из моего собственного опыта, ни один из них ни за что в этом не признается. Я уже давно на данный счет не держу иллюзий. Мне вообще как-то не приходилось до сих пор сталкиваться ни с одним из таких немногословных умников, сошедших сюда с небес не для осмотра на месте, а из простого человеческого желания оценить неземные ландшафты, картины

враждебные и необжитые, в том-то все и дело. Картины которые к тому же (насколько я один здесь из всех могу судить достаточно уверенно), обжиты теперь уже будут очень, очень не скоро. Даже по геологическим меркам. Хотя сегодня это, создавалось такое впечатление, никого особенно не трогало и не беспокоило. Ну и ладно. Чья бы дверь скрипела, как любит говорить мой сосед, когда знает что-то, чего не знает никто. Понятия не имею, откуда он все знает. Впереди пока лежали одни прерии, галерейные леса с карьерами и прибрежными плитами глянцевых камней. Там все молчало, словно и не было там никогда никого. Ближе, совсем рядом с неподвижной черной водой, пыля по обыкновению и осыпая позади себя созревшие плоды с растений, прошла, трясая ходовой частью, стая гиппопотамов, спугнутая прочь слоистыми сумерками, при свете звезд поодиночке зачастую опасных даже, пожалуй, больше, чем днем.

Я неторопливо свинтил пробку с пузыря с водой и посмотрел, невольно щуря глаза, на зависшее над голубоватой далекой кромкой леса крохотное солнце, чуть уже теплое. Бывают такие дни, которые надо просто пережить. Просто перетерпеть, вытянуть, приобретя пожизненный иммунитет, чтобы никогда больше ни к чему такому не возвращаться, - насколько будет зависеть от тебя. Наверное, у всех бывают такие дни, и все переживают их по-своему. Другое дело, что не всегда бывает уверенность, что ты его переживешь, а не, скажем, он тебя. И вот тогда ты говоришь себе, что с этим ничего не поделаешь – тут такие обстоятельства, в конце концов у каждого же рано или поздно должен быть день, который просто не пережить. Но глядя вот так, сверху и далеко вдаль, в мыслях вновь переживая масштаб пройденного и непроизвольно сопоставляя его с тем, через что пройти еще предстояло, - вот в такой момент невольно хотелось закрыть глаза, никогда больше не искать дорогу домой и навсегда стать частью непроницаемой, пирамской ночи. Мимо, треща ветвями, на неожиданно высокой скорости, обеспокоенно прядая короткими ушками и упирая взгляд прямо в землю перед собой, целеустремленно пронесся вслед ушедшей стае ненароком, наверное, задремавший где-то одинокий гиппопотам-цера – словно неожиданно настигло, бухая и разбрасывая камни, незапланированное тектониками сотрясение почвы. Все-таки чем-то невыносимо нравилось мне вот это время суток, когда невзрачное пятнышко далекого солнца висло в прозрачных ровных пластах горизонтальных сумерек – и все как-то вдруг сразу стихало, замирало в ожидании прихода ночи.

Неприветливые высокие галерейные леса проступали чуть поодаль в рваной туманной дымке. Тяжелые заросли отливали вороненым и свинцовым, ложились длинными тенями по дну пустых ложбин, загораживая и пряча мертвую котловину, высохшее давным-давно русло водоема с отвесными прямыми склонами, где без конца змеились глубокие трещины. Места дальше шли нехорошие, где-то здесь была пара не выявленных участков микроволновой радиации, стандартная опасность в зонах залегания специфически активной магматической руды. Эти местные штуки оказались неожиданно сноровистыми по части серьезных неприятностей. Электромагнитная лагуна могла ослепить, могла просто умертвить, хотя не обязательно сразу, со временем, путем генетических нарушений, и это как-то мало согласовывалось с тем, что содержалось в текущей отчетности геологической разведки. Впрочем, у знающих людей и на такой случай имелся свой талисман, иногда лагуну удавалось предвидеть заранее, о такой аномалии обычно можно было судить, когда изменялось поведение человека. Жуткий, говорят, талисман.

...Далеко впереди над лесом, подобно облачку мошкары, поднялась на фоне солнца и зависла неясными точками стая какой-то летучей напасти. В амбразурах сенсорного видеоискателя прицела на свету ничего еще толком было не разглядеть, но тут это всегда означало одно и то же. Ополоснув, я похлопал ладонями, стряхивая капли, убрал подальше воду, взгромоздив на плечо надоевший за день неудобный двуручный самострел охотника, и направился туда, где висело, никогда никуда не торопясь, солнце.

Решительно пристроившись по левую руку, меня сопровождало крошечное загадочное создание, пушистая прелестная кабброва бабочка, неизменная спутница надвигающихся влажных ночей. На сердце у меня заметно потеплело. Бабочка была не только редка сама по себе и скрытна, она еще предвещала отсутствие всяческих затяжных неприятностей вроде мокрого снега со льдом и относительную стабильность магнитных полей-лакун. На мой взгляд, крылоглазое само по себе представляло аномалию, это кроткое создание обладало способностью посредством синтеза пигментов на своих крылышках создавать прямо-таки поразительный шедевр иллюзии, всякий раз новый рисунок, уменьшенное до микроскопических размеров зеркальное отображение всей прилегающей территории со всеми подробностями, включая мельчайшие особенности лица глядящего. Но загадочность бабочки состояла не в этом: в действительности зеркальный сочный рисунок крыльев никогда не передавал буквального отражения окружения, но в нескончаемой череде сменяющих одно другое искажений, едва заметных глазу и живых, так что рельефная поверхность лица наблюдателя в интерпретации ее пигментов очень скоро как бы предпринимала попытку существовать самостоятельно, словно оживая.

Это выглядело как микроскопическое надругательство над временем, оторваться было невозможно. Каждый отдельно взятый момент твоей удивленной мимики, я бы сказал, имел собственную последовательность фрагментов: он как бы происходил со множеством намеков на то, чего нет, на сопутствующие напряжения едва ли не всех других мышц, что угадывались по соседству, и каждый раз словно с наглядной заминкой по времени, напоминая рябь на воде. В среде экзоморфов ходил даже анекдот, что стандартная амплитуда подобных темпоральных микросмещений включала не просто запаздывание по времени – оно сочеталось с небольшим, но достаточно заметным его опережением. Как вообще такое могло быть, никому не было интересно. Я сам при случае как-то интересовался пару раз у знающих людей, но мне принимались нудно лить что-то насчет свойств восприятия моего глаза и с тем содержанием, что это просто такая форма иллюзии: на самом деле, если обобщить все мнения с рядом некоторых упрощений и опущений, крылья каббровой бабочки никогда ничего не отражают с «опережением» по времени и не могут этого делать. Глядясь в них, человек в каждый следующий момент времени попросту наблюдает ту стадию собственной мимики, то утрированное подергивание уголка рта, малейшее движение складок на лбу, крыльев нависающего носа или, скажем, брезгливо поджатого подбородка, которых в реальном времени еще не было и нет, но все они по отдельности или вместе уже содержатся у наблюдающего где-то в подсознании, выдавая всякий раз свое содержание мимолетным намеком на существование. Насекомое элементарно использовало человека, отражая в преувеличенном виде рефлекторную деятельность мускульно-двигательного аппарата.

Как конкретно крылоглазое исподобилось такое отражать, внятно не говорил ни один биолог, по-моему, они и сами ждали, кто бы им это объяснил. В общем, не знаю, всякое может быть, как кому, на мой взгляд, такое объяснение ничуть не менее сумасшедшее, чем вариант с опережением по времени. Особо, впрочем, никто этим специально не занимался, насекомое было практически безвредно, и ладно. Так что, попрыгав какое-то время в воздухе у самых кончиков травы, побыв недолго рядом, крохотное создание каждый раз привычно уходило по отвесной траектории прямо вверх, куда-то под самые нежно-зеленые ядовитые небеса, унося с собой загадку мимикрии и разбитое на части изумление нечеловеческого лица.

Вислощекие мрачные звери с квадратными подбородками над моей головой обеспокоено встряхивались, вперевалку грузно перебираясь с ветви на ветвь, расправляя крылья и надсадными голосами гавкая. Если я ничего не путал, где-то здесь начинались территории, некогда объявленные зоной закрытого биологического контроля, где нашли некие скромные невзрачные растения, буднично изменяющие при неблагоприятных условиях свой химический состав листьев и концентрацию феромона, способного разрушать ДНК человека. Там даже стандартный респиратор помогал мало. Почему носитель расположен был активизироваться именно после наступления темноты – непонятно, как долго сохранял активность сам феромон – тоже не совсем ясно, однако все, как можно было заметить, успели уже несколько раз о существовании таких территорий забыть и давно заняться более интересными делами. Вот что мне никогда не нравилось в лесу, так это то, что у него здесь своеобразное чувство меры, его никогда не бывает мало. Ты с умным видом приезжаешь, работаешь, а потом выясняется, что он работает над тобой. Или куда-то ушел. Или кто-то в нем изучает тебя. В общем, зря я сюда ехал.

Стоя по колено в воде, дикие сутулые кошки провожали меня отсутствующими долгими взглядами. Я отвечал им тем же.

Когда эволюция находится в раздумье, для катаклизма может быть достаточно одного неосторожного сомнения. Не помню, кто это сказал. Кто бы он ни был, этот явно тоже был из неистребимых оптимистов, твердо знающих, что у добродетели мозолистые руки и загорелое лицо и если немножко поупрямиться, то все в конце концов как-нибудь образуется. Все можно расставить по местам, включая мироустройство. Если бы только кто-нибудь знал, как эволюция от всех них устала. И я вместе с ней.

Сегодня уже трудно даже поверить, что когда-то меня занимали совсем другие вещи и в каждой нащупанной цепи свойств и явлений я склонен был усматривать загадку, направленную против меня лично, против моего разума и призванную на свет исключительно в целях пошатнуть мой авторитет прежде всего в моих собственных глазах. Меня как в некотором роде профессионального этолога весь этот материк когда-то интересовал в первую очередь с точки зрения его заселенности миром зоофитов высокой организации. Это вам не всякая там эволюционная экзоморфология, одной много знающей головы тут мало, на одной голове и систематике тут далеко не уедешь, были уже прецеденты. Я даже выбирая тему будущих исследований пропустил мимо ушей два чрезвычайно выгодных по моим представлениям предложения со стороны биологической Миссии заняться чем-нибудь более насущным и чем-нибудь более отвечающим ожиданиям экспертной комиссии. Получая визу-допуск на Материк Конгони, я примерно уже знал, что тут меня ждет, точнее, думал, что знаю, я был готов к какому-то неслыханному изобилию скорой на решения фауны и

был удивлен, такого неслыханного изобилия здесь не найдя. То есть сломя голову носящихся в низких кронах растений всяких гибких неуловимых созданий хватало всегда, но все оказалось совсем не так, как я ожидал. Моим первым тогда поверхностным еще впечатлением было, помню, что здесь как-то необыкновенно тихо. В то время мне легко удавалось списывать это на предвзятость оценок представителя чуждой биологической среды. Тогда я не знал еще, что этот сияющий мир широкими шагами идет в пропасть.

Я, конечно, до прибытия сюда пытался более или менее основательно подготовиться, освоил гору сопутствующего специального и чисто ознакомительного материала, я хотел понять, откуда в посезонных данных отдельно взятых биоценозов такая видимая устойчивость несоответствий, надеясь на ходу потом осмотреться привычным глазом и сразу же вплотную заняться своей темой. Черта с два дадут тут заняться своей темой. Правда, какое-то общее представление, укладывавшееся в некое подобие добропорядочной систематики и рабочей схемы, я все-таки успел для себя составить, при этом замечательно, что, с одной стороны, рабочая схема в первом приближении оказалась не так чтоб уж очень далека от действительного положения вещей, с другой же стороны, можно только удивляться, как мне до настоящего момента удалось еще на ней дожить. Первое, что бросалось в глаза, здесь отчего-то полно сумчатых. Логично было предполагать некоторую засушливость в дельтах части рек и заниженную биопродуктивность. Что я и сделал. И на чем чуть не попался, и не только один я. Сумчатые мыши, сумчатые ящерицы, сумчатые бесхордовые, сумчатые тераподы, сумчатые кошки, какие-то, говорят, сумчатые мегатойтисы, страшное дело, здесь даже один подкласс псевдохвойных растений проходит как сумчатые: не споровые, не с дуплом, а именно сумчатые. Опять же – принятая здесь система классификации.

По одной ней только можно было сделать вывод о контингенте в поте трудившихся тут немногочисленных сотрудников, их уровне интеллекта, а также о приоритетах естественников вроде эволюционных антропологов, периодически ошивавшихся здесь на чужих хлебах под эгидой биологической Миссии. Никто не знает, что они тут забыли. Экзоморфы обычно не утруждали себя в выборе того, как следует назвать вот то или это создание, считалось, исследователи исходили здесь прежде всего из понятных всем аналогий: они как бы довели.

Говорят, проблема нашего мира в том, что мы не умеем говорить просто: простые вещи нам неинтересны. Я бы сказал, что проблема нашего мира в том, что мы не умеем мыслить просто: вещи, которые мы ценим, слишком важны. Но вот чего, спрашивается, не хватает людям, создающим другим проблемы ввиду явной безнаказанности.

В среде экзобиологов и пришедших им потом на смену последователей стало вскоре признаком хорошего тона давать вновь открытым видам почти исключительным образом земные наименования, присовокупляя сюда обыкновенно свое имя, имя всеми любимого шефа или его ручного хомячка. И это становится уже нехорошей традицией. Названия никогда невозводимых объектов, названия объектов возводимых, но так никем и не возведенных, оглавления сомнительных книг, отитулование стационарной биостанции вкупе с модным сводом данных на первой странице технической документации либо геологоразведочной партии с доступной аббревиацией давались также крайне охотно. И никто ничего не может сделать.

А делать что-то нужно. Есть такая вещь, периодическая экзосистема Наго-Хораки называется. Предполагалось, она экзосистема своей периодичностью должна была весьма упростить взгляд естествоиспытателя на события окружающей жизни и просто своей полезностью стать той путеводной нитью, которая поможет сохранить рассудок неподготовленному человеку. Лошадь Гамински, скажем, она же болотная тригора ббFG1435K (попросту трясатка). Терпкая выпухоль Плятто, она же засунец Плятто РК-8456662FG-09090923546. Некрофаг Парсонза. Изящный многоед FG14535-47856789K. Полиноморф Гидо, Болотный выхлоп. Столовая выпь Капри 234FG-3456772K, она же столовый скат Капри. Зеркальный полухорд-богомол Ра, он же странный ложноног Тутмоса; большой упсс FGP65780003216786669 – и это еще не самое худшее, что ждет заглядывающего в справочник. Зачастую трудно было избавиться от впечатления, что умирающие от скуки научные иждивенцы торопились первыми внести свой посильный вклад в свод энциклопедических данных Внешнего Конька, давясь от предвкушений и хихикая в ладошку. Вначале я в силу долга службы пытался с карандашом в руке все это терпеливо, водя пальцем, с присущей мне добросовестностью переносить, потом попробовал найти, кто этим занимается. При этом, повторяю, срочные, я бы даже сказал, панические меры никто принимать как бы не собирается, у комиссии экспертов попросту сюда не доходят руки. Большой снежный прибор Хораки, «снежного» в котором столько же, сколько в нем от рептилий. Говорят, когда наше общее начальство наверху узнало об этой последней эволюции мысли референтов, оно поклялось своими руками сжечь последнюю редакцию справочника на ягодицах автора открытия. Может, хоть эти крайние меры возымеют какое-то действие. Ну ведь невозможно же работать. Иседе Хораки, конечно, зверь, но в хорошем, конструктивном смысле. Был где-то стеклянный перистальт. Симбиот Сцилларда (так прямо и стоит), он же пирамские гвозди FG909004545-РК5567, и так далее, и так далее. Это, как можно понять, делалось больше по причине недостатка воображения, чем из каких-то там энциклопедических соображений. Поскольку «лошадь» уважаемого мэтра гносеологии в силу своего устоявшегося обыкновения проветривать на солнцепеке в развернутом виде орган, который (следуя дальше традиции аналогий) по своим отправляемым функциям следовало бы определить как печень, скорее напоминает жерло водоплавающего камина с полуобвалившейся штукатуркой.

Так, выпь некоего хитроумнейшего из старших лаборантов здесь на Капри вообще представляет собой отдельную культуру-конгломерат, симбиоз колонии животных бесхордовых и ползучих архаических растений прогимноспермов – редкий случай, когда в союз вступают организмы, совсем незначительно удаленные один от другого в эволюционном смысле.

По поводу же некрофага, перистальта или вот еще, скажем, «засунца» вообще остается только качать головой. Но все это, конечно, частности. Другое дело, когда народ, в общем-то искушенный, как подразумевается, в принципах сожительства в биоценозных структурах, начинает и вести себя так, как называет. Мне самому однажды приходилось чуть не за куртки оттаскивать партию палеобиологов, настойчиво рвавшихся покормить с ладошки неприкаянную стайку ушастых «тушканчиков» Умбунги, рыболова Брауна, злейшего врага камышовых гиен и кошек. Я могу объяснить, в чем дело. Темный участок надбровной линии, высоко сросшейся над блестящими увлажненными глазами, в сочетании с

полуопущенными концами придавали милой скорбной мордочке именно то выражение глубокой скорби, пережитой совсем недавно невосполнимой утраты, призывающей к немедленному участию. На это выражение можно было купить всю биологическую Миссию и его щемящее сочувствие на сезон вперед. Это, кстати сказать, не единственный случай, когда безвольно сложенные на груди мягкие на вид пушистые лапки легкого на подъем создания и слегка вроде бы помятая от продолжительного лежания в одном положении мордочка вызывали у свидетелей этого чуда неодолимое желание снять с себя последнюю рубашку и срочно накормить. Все-таки удивительно, насколько бывает сильна инерция мышления у всезнающих ученых дядей, одичавших от безнаказанности. Я говорю, все взрослые, казалось бы, люди.

В какой-то момент я перестал обращать внимание на то, куда ступаю, перестал видеть перед собой черную зеркальную воду и прозрачный голубой лес по горизонту, шагая мягко и непринужденно, теперь всегда уже умея шагать здесь только мягко и непринужденно, как ветеран героической эпохи освоения, как заслуженный старожил земли, подспудно задумавшись, уйдя с наезженной колеи мыслей, прислушиваясь больше к внутреннему чувству, словно лишившись мимоходом чего-то, груза неотъемлемого, но обязательного, о котором даже и думать забыл.

За те последние несколько лет здесь я, пожалуй, только сейчас до конца смог прочувствовать содержание того, что был тут совсем один. Прервалась какая-то нить, и произошел переход в иное состояние. Если я все оцениваю трезво, если я не ошибаюсь с самого начала и кто-то еще более хитрый, чем я, не водит меня за нос, никто в целой Вселенной даже приблизительно не догадывается в эту минуту, где я мог быть. Когда-нибудь каждого, наверное, однажды тут посещает в конце концов чувство вроде этого, раньше или позже; не знаю как кому, во мне оно не вызвало никакого отклика. Ни хорошего, никакого. Ощущение было новым, с ним надо будет тоже сжиться, и все. Я не думал, что будет выглядеть так, как выглядело, как работа, - неприглядная, стыдная, неизбежная и оттого еще более невыносимая, которую предстоит выполнять день за днем, из года в год. До конца жизни лишь потому, что в свое время тебе не сиделось на месте. Я любил это время, я имел к нему отношение, я любил это плывущее, нескончаемое, чужое небо над собой и все, что было под ним, их нельзя было не любить, и я ненавидел их, временами я просто уставал от ненависти к ним, я был болен этой усталостью, я откровенно их боялся. И дело теперь не в том, что на планете изредка пропадали люди, в последние годы как-то особенно часто, которые, правда, потом вдруг могли обнаружиться где-нибудь за тысячи километров на совсем другом краю материка. Здесь все-таки уже не беспризорный естественный Пояс Отчуждения. На землях любой Независимой культуры новоприбывший вместе с выполнением настоятельно рекомендуемых формальных процедур имел право не оставлять разрешения, лицензирующего администрацию сектора автоматически начинать поиски человека в случае потери с ним связи. Тут, на мой взгляд, любопытно другое.

За всю историю архипелагов и единственного материка Конгони, с самого момента приобретения планетой статуса протекции независимой культуры Дикого Мира был зарегистрирован всего один случай, когда новоприбывший подтвердил полномочие Миссии знать о его местонахождении. Да и то человек тот вскоре, не задерживаясь, благополучно отбыл за пределы юрисдикции планеты, перепутав, как выяснилось, директорию Пирамы с Би-Рамой 77, мертвой как сковородка землей внешнего Конька. И куда только народ смотрит.

У меня, я заметил, входит уже в привычку в предчувствии особенно большой грязи брюзжать насчет стечения обстоятельств и строить мысль одна другой кубичнее и рельефней. Вроде условного рефлекса. Это от избытка движения, наверное. Иногда мысли исходят, как туман и дым, и тогда за ними не угнаться, иногда они падают, как камни. Вообще же насчет почесать кому-нибудь расшатанную нервную систему и после еще многозначительно подмигнуть, поджав губы, здесь специалистов хватает, я бы даже сказал, в последние дни их стало что-то пугающе много. Генератором особенно токсичных и разрушительных для самочувствия слухов у нас работает мой дорогой сосед, он их где-то ведрами намывает. Причем слухи у него на биоценозную тематику день ото дня все крепчают градусом и тяжелеют трагическим подтекстом. Я удивляюсь, как, всего себя отдавая любимому орнитологическому уголку со всевозможной временно удерживаемой там летающей нежитью самой отталкивающей мордатой внешности, едва ли не ночуя у себя за коттеджем в своем курятнике, он еще умудряется сохранять трезвость мысли и держаться в курсе этологических новостей.

По сведениям, почерпнутым из его не вполне официальных источников, на Земле сегодня местами стало особенно беспокойно из-за участившихся случаев незаконного провоза через таможенные представители эндемичной фауны. Кто-то повадился заниматься вредительством, тайно подбрасывая в тихие спокойные заповедники ничего не подозревающей средней полосы неуловимые косячки пираний с бассейна Амазонки, под тем уважительным предлогом, что те якобы более неприхотливы и намного быстрее размножаются, чем местная дичь (что, к сожалению, оказалось правдой), обнаглевших уже к последнему времени до такой степени, что начисто свели с прилегающих к новой акватории областей сомов, полутораметровых щук и домашних гусей.

Я не поверил и сказал, что вряд ли широко известная неприхотливость этих созданий распространяется так далеко, что включает в себя водоемы средних широт, где, как известно, иногда при понижении температуры имеет обыкновение идти снег. Не говоря уже о щуках, которые тоже не сахар. На что сосед, с презрительным сочувствием улыбнувшись мне, ответил, что то же самое говорили отдельные ответственные лица, пока не обнаружилось, что у этих исчадий в новых условиях не оказалось каких-то особенных естественных врагов, и что вообще все беды в нестандартных ситуациях из-за таких рассудительных, как я, которые, когда не надо, начинают рассуждать и сомневаться, вместо того чтобы действовать. В общем, таможня зверствует, администрация сбилась с ног, купаться нельзя, а тут еще капризное местное пресноводное население категорически отказывается реинтродуцировать себя в водоемы, где прежде обитал иноземец. К тому же их, иноземцев, как указывалось здесь с горькой иронией, не извиняли даже собственные отменные питательные качества, любым превосходным образом оттененные сметаной под свежей зеленью. Словом, тут было еще над чем поработать.

Далее. Есть такая бабочка, говорил сосед, то есть уже у нас, на Конгони. Водогрейка 1.2 называется. Согласно реестру, бабочка как бабочка, ворсистая только сильно, теплая на ощупь и ненормально токсичная. А так обычная бабочка, только пустая внутри. Но суть не в этом. Знающие люди рассказывали, самое страшное дело – вот эта бабочка, на лесных топях. Под особенно теплый сезон нельзя на нее смотреть без привитого иммунитета, опасно. Красивая, зараза, просто словами не сказать, как красива, так красива, что раз увидев, уже не отвести глаз и не подняться, в ротовой полости прекращается процесс

слюноотделения, все пересыхает и нарушается нормальный обмен веществ. Наряду с тем, что удивительно, всюду прослеживается одна и та же закономерность: чем глубже топи, непроходимее болота и грязнее грязь, тем красивее водится экземпляр. Так и уводит, говорят, за собой туда, откуда не возвращаются, упакованных в паутину феромонов надежнее, чем в похоронный грузоконтейнер. И все то время, пока держатся в тебе какие-то соки, прыгает она себе с растения на растение и с полянки на полянку и ноль тебе внимания. И более всего любит она, рассказывают, цветы, а более тех цветов любит она цветы умирающие, свежесорванные. И ничего в ней вроде бы нет, кто-то из среды особо устойчивых к неземным красотам смотрел, говорят, долго и в самую суть, - и все понять не мог, в чем причина да откуда столько аварийных ситуаций, пусто там. Нет ничего и не было, наверное, никогда, на булавку разве что поместить, так сохнет она, рассказывают, на булавке, с ограничением доступа к нормальной жизнедеятельности, без цветов и топей...

...По прямой вдоль кромки леса, треща сучьями, прямо передо мной и совсем близко, камнем пронеслось темное пятно. Достаточно отчетливо была видна лишь стремительно несущаяся поверх зарослей травы голова, трижды проклятый феномен Геры. Параллельно стелса пролетел, не задерживаясь, мимо крайних деревьев, двигаясь прямолинейно, по своему обыкновению резкими толчками и целеустремленно, мимоходом, со своей чесалкой наперевес, ни на что не отвлекаясь. Я мог бы поклясться, что был сегодня быстр как никогда, заученным движением матерого охотника срывая лямки с пояса и рук, не переставая напряженно следить за деревьями, на два счета упирая в ладонь и предплечье блестящие от многократных прикосновений суставы самострела, без промедления вскидывая все сразу же навстречу траве и солнцу. В ладони удобно легли холодные прорези, увесистый инструмент с готовностью ждал детонации. Перед глазами, торопливо совмещаясь, несобранно плясали посторонние тени, надвигались на оцепеневшее сознание цифровыми огоньками. Огоньки настигали ненужные параметры какой-то перспективы, и все были при деле. Я плавно и аккуратно, стараясь ничего не уронить и не потерять, проводил всем корпусом пустое место, пытаюсь с ходу наладить траекторию своего движения в примерном соответствии с периметром сенсоров прицела, уже зная, что не успеваю, все слишком близко – холодно и много света. С тем же успехом можно ловить руками свою тень. Вот в том-то и дело, подумал я, об этом и речь, как любят мне повторять в комиссии экспертов. Голым желанием ничего не достанешь, скорость реакции у них как у мух.

Помнится, вечно энергичные и неприятно жизнерадостные экзоморфы приводили любопытные версии, объяснявшие в какой-то мере непривычно высокий уровень интеллектуального развития и продвинутость едва ли не всего многообразия местной фауны. Я бы от себя внес еще сюда и растительный мир с его парагормональной системой и зачатками нервной организации. Выходило у них что-то вроде того, что относительно недавно, в геологическом смысле, практически все основные горные экваториальные цепи с низовьями Конго в той или иной степени затронула, один за другим, череда ледниковых периодов, перемежаемых сильнейшей тектонической активностью материковой коры и, соответственно, вулканическими извержениями.

Стрессовый фактор сам по себе мог служить определяющим моментом, подхлестывая защитные механизмы организмов. Всякая биосистема и сейчас еще как бы пребывала в напряженном ожидании, чего мать-

природа тут преподнесет еще. Недостаточно расторопные на своевременные и единственно верные решения и просто тяжелые на подъем успели десять раз естественным образом вымереть.

Помимо того, в специальной периодике можно было встретить упоминание касательно целесообразности взаимоотношений, что чтобы догнать и загнать, к примеру, пятнистого равнопода, ногастую разновидность живородящего травоядного, которая между тем сама по себе достаточно опасна и непредсказуема при непосредственном столкновении, целесообразнее всего было бы отправляться на охоту как минимум двумя-тремя слаженными, высокоорганизованными стаями с координацией системы сложных действий. Действия предполагали бы ряд ответных сложно взаимосвязанных решений.

Понятно, что с точки зрения целесообразности разумнее всего было бы с минимальными энергозатратами и потерей времени, не вдаваясь в детали, перестрелять эту законченную свинью с безопасного расстояния и не подвергать себя лишнему риску, но ссылки на целесообразность, на мой взгляд, особенно удачно передавали настроения «вольных хлебов», царившие тогда в среде всякого рода полу- и парабиологий, атмосферу беспрецедентной административной безнаказанности и всяческого отпущения грехов. Короче, животное такого уровня могло достаться только хитрому и умному зверю. Правда, экзобиологи не поясняли здесь, как, принципиально оставаясь травоядным, равнинный мехогуб Гидо сам сумел удивительным образом поумнеть.

В поддержку своих многочисленных рискованных предположений палеологи утверждали где-то, что в силу неких астральных причин средняя продолжительность суток на значительной части материка и некоторых архипелагов долгое время составляла величину, почти втрое превышающую сегодняшнюю. Предполагалось, когда-то здесь была одна и та же бесконечная, леденяще глубокая ночь с редкими вкраплениями сумеречно бледного рассвета.

Впрочем, по этому поводу среди палеоботаников ходили разночтения. Как бы то ни было на самом деле, мрачные красоты того периода усугубляли беспокойные верхние планетарные слои, жизнь которых в тектоническом отношении оставяла желать много лучшего, будучи по сути не столько даже экстремальной, сколько катастрофической. Это тоже нужно учесть, чтобы хотя бы немножко приблизить свет понимания к тому, что произошло дальше. Хронические подвижки плит, эрозия с осыпанием гор, шарахающие груды вулканов то и дело до неузнаваемости изменяли один и тот же ландшафт, когда долина под вечер могла выглядеть еще равниной – пологой и сильно заболоченной, а наутро, образно говоря, та же равнина больше походила на насквозь проросший тропиками отвесный обрывистый склон: здесь на страшной глубине не росло ничего, а наверху лежал один и тот же снег со льдом и пепельные дыры вулканов. По-видимому, чтобы успеть более или менее приспособиться и как-то прокормиться, живому организму с хоть каким-то намеком на развитую систему рецепторов приходилось просчитывать совсем не типовые логические задачи и по мере возможностей не делать ошибок. Живое, постоянно существовавшее в ожидании неприятностей, трудно было удивить чем-то новым. Элементы биоценозов, разумные в недостаточной мере и склонные в повседневной жизни опираться больше на проверенные временем решения, сокращали для себя и без того крайне скудные шансы остаться при своих интересах.

Удивительное дело, на типе организации и специализации насекомого мира все перипетии, вся эта историческая экстремальность и стрессоры

не сказались сколько-нибудь заметным образом. Каких-то особо докучливых москитов, кровососущих гвоздей размером с ладонь и прочей нежити тут встречалось мало, не считая отдельных участков акватории Угольных и Падающих гор с их стоячей водой, - зато вот там всякой такой заразы было выше ушей. А завозить сюда с солнечно сияющих кущей Пенк-Гуан, небольшой океанской островной гряды Шельфа эндемичные формы вроде пресловутых оккамов рая, вкрадчиво гудящих зеркальноглазых стайных паразитов, цитологи и флористы, понятно, не торопились.

Но, по-моему, это только вопрос времени. Вообще я уже сейчас, в первом приближении примерно себе представляю, как будет выглядеть конец света для всех этих холеных в тишине и покое, ничего не подозревающих беспечных земель. Быть им тогда тихими и пустыми, лежа в полной гробовой тишине. Когда каким-нибудь океанским течением в один прекрасный день принесет из-за горизонта всего лишь одно шальное вырванное с корнями дерево и на нем мирно дремлющих в щели оккамов. Вот это будет полный привет всему, ничего святого для appetitов этого вечно голодного чесуна нет или хотя бы простого чувства меры. В среде тех же экзоморфов одно время даже ходила теория, больше похожая на анекдот, призванная объяснить отсутствие данной разновидности сетчатых неполнокрылых на самом Материке: Оккаммы тут были, как не быть, но очень недолго. Поскольку по обыкновению все съели и в самые сжатые сроки благополучно вымерли вместе со всем остальным животным миром.

Этому будто бы даже примерно соответствовал один из случаев массового вымирания живых организмов в геологическом прошлом. Сейчас же никаких таких паразитов не было. Зато были кошки. Сумчатые, ушастые, совсем крошечные, огромные, жутко глазастые, неуловимые, бесшумные, не знающие покоя, никем никогда в живом виде не виденные, едва различимые, часто агрессивно окрашенные, меняющие в зависимости от времени суток расцветку и полосатые, как аллигатор.

Кошки были природным бедствием для всякого, кто настроился после напряженного трудового дня на нормальный продолжительный отдых. Нескончаемыми ночами не давая заснуть, все время копошась где-то рядом, сучась в кустах или в низких кронах прямо над головой, голосами многокилограммовых младенцев они пугали друг дружку, устраивая засады друг дружке, насадая, безжалостно метеля и ломая кругом зеленые насаждения. Причем каждый раз складывалось такое впечатление, что насадать, копошиться и ломать насаждения ночами напролет они со всей акватории озера и прилегающих болот собирались почему-то исключительно у моего коттеджа. Что ни ночь, кошки принимались шуршать листвой, начиная вести себя как дома. Они не стеснясь, невидимо отирались где-то совсем поблизости, нагнетая атмосферу, шумно встряхиваясь и поминутно вопросительно взмурлыкивая из темноты. Вообще, спать в гамаке у себя на лужайке прямо под открытым небом решались немногие.

Прямых свидетельств нападения на людей именно сумчатых кошек не имелось (пока их не начинали уж совсем откровенно держать за хвост и задние ноги). И трудно было бы переоценить такое положение вещей в плане сдержанности умонастроений и насколько это устраивало тут всех нас. Скептики, правда, еще сумрачно огрызались по тому поводу, что таких свидетельств и некому было бы давать, случись что, а покажите нам хоть одного вооруженного биолога. В условиях удручающей бесконтрольности обслуживающего персонала крохотных биостанций,

затерянных по лесам и горам, когда народ то и дело сам по своему усмотрению, не спросясь, пропадает вдруг неизвестно где, как это вошло уже у экзоморфов в нехорошую традицию, было бы наивно утверждать, что все конгонийские бестии мягкие и пушистые. Люди пропадают? Пропадают. Без спросу? Без спросу. Никто и не утверждает. Просто сведений обратного ни у кого нет. Презумпцию Исходного Прав независимой культуры пока никто еще не отменял. Версия о происках паратопа звучала бы, как мне кажется, с большим правдоподобием. Но таких свидетельств тоже нет.

По здравом размышлении, нужно было бы согласиться, что вероятность столкновения с представителем легко и быстро убивающей среды здесь никогда не равнялась нулю. Однако каждый из нас, опять же по здравом размышлении, предпочитал об этом благоразумно хранить молчание. Человек не забывал ни при каких обстоятельствах, что сюда его никто не звал. Конечно, никто тут не слышал о прирученной кем-либо озерной кошке, если не считать Батута, но, во-первых, Батут был не совсем кошка, по мнению многих, он был просто скотиной, и потом, возникни у них такое желание, они все очень скоро могли бы копаться и встряхиваться там у себя в полном одиночестве. Рассказывают, эти бестии в силах воспринимать даже электрическое поле, возникающее в результате чьей-либо посторонней мышечной активности. Не говоря уже о том, что о приозерных ужасах годами плели и мололи всякий вздор все, кому только не лень.

Сосед, кажется, был первый естествоиспытатель широких взглядов, кто взялся все эти «саги» собрать и издать. В назидание поколениям, идущим следом. Он не то чтобы после этого как-то сразу вырос в моих глазах (все героические эпопеи скромно проходили под его именем, при его тесном участии и под его чутким руководством, где он с негромким мужеством переходил из одного народного эпоса в другой), но теперь по крайней мере мы лишились последних иллюзий, что у людей тут осталось еще что-то святое.

В общем, здесь все еще далеко от полной ясности. Где-то писали, у сумчатых кошек интеллект выше, чем у дельфопоратора, пресноводной разновидности касаток. Судя по их внешнему виду, в такое верится с трудом. Благоустроенные загоны и всякого рода лепрозории для живых организмов высокой организации с клетками тем же статусом Независимой культуры запрещены, я боюсь, сейчас по всему Конгони если найдется десяток специалистов, вживую видевших озерную кошку, - уже хорошо. И видеть их большим желанием не горит никто. Сегодня только, помню, все ждал, что вот-вот что-то случится, кошки так были увлечены собой, что подняли меня прямо посреди ночи, вылетев мне на траву лужайки чуть не под самый гамак встрепанным мычащим клубком, вздымая ожесточенные облачка пыли и светлячков, шипя, опрокидываясь навзничь, лягаясь и пинаясь. И пока я безумными глазами всматривался, стараясь понять, что происходит, чудовищным усилием отодрая действительность от сна, клубок моментально распался, образовав пару гибких неясных теней, которые сейчас же с мягким дробным топотом растворились в темноте. У кошек какой-то особенно тонкий слух; мало того, что у них тонкий слух, так они и слышат как-то совершенно иначе. У одной из самых опасных из них, у водяной гиены, слух достаточно разборчив, чтобы воспринять отдельные соприкосновения в волосяном покрове руки человека при, скажем, сокращении локтевого сустава, каковое человеком воспринималось бы приблизительно как стук в лесу друг о друга отдельных сухих ветвей под весом зверя. Похоже, звук

хлопанья крыльев может выразить для них строго индивидуальный рисунок, показывающий, насколько он доступен с точки зрения съедобности. Ни один этолог не может сказать еще, какими они видят нас.

Я обернулся назад, щуря глаза на низко висевшее солнце, и стал спускаться к тесным фьордам ложбины. Время пахло теплом.

День клонился к своему закату.

/.../

Купить книгу С. Весто. ОТРАЖЕННЫЕ СУМЕРКИ. Сага каменного угля:

Печатная книга по технологии книга по требованию (без посредников)

senvesto.com